

Цянь Юй смотрел, как Чэнь Минхуэй ест по кусочку. Зная характер Чэнь Минхуэя, он мог только молча есть сам, думая, что скоро скажет, что сыт, и тогда Чэнь Минхуэй точно доест.

Наблюдая, как они с аппетитом едят, другие ученики не осмеливались попросить, но ели свою еду, наслаждаясь ароматом, словно они тоже ели мясо.

Другие могли так, но Хао Ин не могла смириться. Раньше Чэнь Минхуэй всегда отдавал ей все самое вкусное, а сам ничего не ел. Теперь он отдал мясо этому ничтожеству Цянь Юю. Как она могла с этим смириться? За то время, что она наблюдала, Чэнь Минхуэй уже положил Цянь Юю четыре куска мяса, все самые лучшие — с жирком.

Почему? Раньше, когда она приносила мясо домой, она сама едва могла попробовать, большая часть доставалась ее брату, а она довольствовалась самым маленьким кусочком.

Сегодня в ее контейнере было несколько кусочков капусты, и она была рада. Но теперь, увидев, как Цянь Юй и Чэнь Минхуэй едят мясо, она почувствовала, что ее еда стала безвкусной. Зависть не давала ей есть.

— Хуэйцзы! — Кто-то крикнул из двери класса.

Чэнь Минхуэй поднял голову, и его выражение стало серьезным. Это был его старый «друг», с которым он раньше болтался в городке.

Цянь Юй тоже перестал есть, с беспокойством глядя на него.

— Ничего, я скоро вернусь, ешь пока, — сказал Чэнь Минхуэй.

Чтобы успокоить Цянь Юя, он, дойдя до двери, особым образом вернулся и добавил:

— Я точно не вернусь к старому, сейчас я использую этот шанс, чтобы все объяснить и разорвать связи. В будущем я буду с тобой в старшей школе и поступлю в университет.

Цянь Юй наконец расслабился.

Чэнь Минхуэй вышел из класса с теми хулиганами и направился на школьный двор. Один из них, не имея сигарет, сам скрутил табак и протянул Чэнь Минхуэю.

Чэнь Минхуэй покачал головой:

— Я бросил.

Тот нахмурился, хотел что-то сказать, но Ван Ян дал ему знак, и он промолчал. Он зажег спичку, закурил и начал выпускать дым.

Ван Ян сказал:

— Хуэйцзы, говорят, ты продал дом, правда?

Чэнь Минхуэй не стал скрывать, но и не хотел много говорить, поэтому просто кивнул.

Такой холодный тон не остался незамеченным, и Ван Ян нахмурился.

Он усмехнулся, с угрозой в голосе:

— Что, Хуэйцзы, разбогател и забыл старых друзей?

Чэнь Минхуэй, который до этого игнорировал их, наконец посмотрел на них, и его взгляд был холоднее мартовского ветра.

— Угрожаешь мне? — Чэнь Минхуэй усмехнулся, лениво развалившись, и не обращал на них внимания. — Я сказал, что больше не буду болтаться, хочу учиться. Я уже говорил это Брату Луну, сейчас повторяю вам.

— Ха. Брат Лун не смеет мне указывать, а вы хотите? — Голос Чэнь Минхуэя внезапно стал ледяным. — Или вы забыли, как я в прошлый раз кого-то пырнул?!

Эти хулиганы до сих пор помнили тот день. Тогда девушку Брата Луна увел другой парень, и он был зол, ругался. Чэнь Минхуэй вызвался разобраться. Все думали, что он просто хочет показать себя перед Братом Луном, но когда дошло до дела, он не струсил. Они пошли с ним, но больше из любопытства.

Чэнь Минхуэй нашел того парня и спросил, кто увел девушку Брата Луна. Тот парень спокойно встал, не боясь Чэнь Минхуэя, и признался. Чэнь Минхуэй не сказал ни слова, взял нож и нанес несколько ударов. Все очнулись, когда теплая кровь брызнула им на лица, и перед глазами было только кровавое месиво.

Вспомнив тот день, Ван Ян и другие почувствовали холод, будто на них было мало одежды.

Ван Ян и его компания были мелкими хулиганами, занимавшимися мелкими кражами в городке. Они не были смелыми, и, столкнувшись с таким отчаянным, как Чэнь Минхуэй, сразу сдались.

Ван Ян попытался улыбнуться, чтобы разрядить обстановку, но его лицо напряглось, и выражение стало странным, словно он пытался угодить, но не знал как.

— Хуэйцзы, о чем ты? Мы просто беспокоились о тебе, вот и спросили. Если тебе не нравится, больше не будем. Ты хочешь учиться — учись, и если кто-то посмеет тебя беспокоить, мы первые ему покажем. — Ван Ян умел сдаваться, когда это было необходимо.

Остальные тоже закивали:

— Хуэйцзы, мы рады, что ты исправился. Когда добьешься успеха, не забудь нас.

Чэнь Минхуэй холодно ответил:

— Хорошо. Я думаю, что те, кто посмеет мне мешать, еще не родились.

Почему-то, произнося это, он вдруг подумал о Цянь Юе. Если бы Цянь Юй попытался ему помешать, он бы точно не смог быть таким резким.

— Да, да, — сказали они и, высокомерно пришедшие, ушли с поникшими головами.

Чэнь Минхуэй усмехнулся и медленно вернулся в класс. Он не знал, что в его отсутствие кто-то, не в силах сдержать злость, задумал недоброе.

— Боже, Инъин, Чэнь Минхуэй отдал мясо этому извращенцу, а не тебе. Неужели он действительно собирается с ним встречаться? — Сюй Сы, с ноткой зависти, шепнула Хао Ин на ухо.

Хао Ин внешне сохраняла спокойствие, но внутри кипела от злости. Она сказала, притворяясь невинной:

— Это еда Чэнь Минхуэя, он может отдавать ее, кому хочет.

Но она встала и пошла назад, с ядом в глазах. Подойдя к парте Цянь Юя, она вдруг вскрикнула:

— Ой!

Она упала, ударившись о стол. Неожиданное происшествие застало Цянь Юя врасплох, и он успел спасти только ближайший контейнер. Контейнер с едой и рисом Чэнь Минхуэя опрокинулся, и еда разлилась по столу и полу.

— Ой, прости, я не специально, Цянь Юй, ты ведь не будешь злиться из-за такого пустяка? — Хотя виновата была Хао Ин, она первая покраснела, изображая обиду. Она выглядела слабой и жалкой.

Цянь Юй смотрел на беспорядок, и сердце его сжималось от боли. Он жалел не только о мясе, но и о внимании Чэнь Минхуэя. Чтобы приготовить вкусное блюдо, Чэнь Минхуэй встал рано утром и сидел у печи, следя за огнем. Это было особенностью северной кислой капусты — чем дольше ее тушить на слабом огне, тем вкуснее она становится. Чэнь Минхуэй потратил столько усилий, чтобы приготовить это блюдо, и теперь оно было испорчено, а Хао Ин вела себя так, будто это было ничтожно.

Цянь Юй все это понимал, но не мог выразить словами. Он только повторял:

— Это было внимание Минхуэя...

— Ой, — вдруг вскрикнула Хао Ин, жалостливо глядя на одноклассников. — Кажется, я подвернула ногу, не могу двигаться.

Хао Ин была красивой и считалась богиней в классе. Теперь, когда она выглядела раненой и слабой, мальчики тут же окружили ее, выражая заботу. Цянь Юй, держа контейнер, остался в стороне, чувствуя себя одиноким.

— Хао Ин, твои туфли испачкались, на них попал соус, что теперь делать? — В то время люди были бедны, и у большинства была только одна пара зимней обуви. Если она пачкалась, ее приходилось стирать, и в такую холодную погоду она могла не высохнуть даже за целый день.

Один мальчик, видя, что его опередили, поспешил сказать:

— Хао Ин, кажется, твоя нога опухла, тебе больно?

Эти слова были явной лестью. Хао Ин, хотя и любила быть красивой, в то время носила толстые ватные штаны, а не современные тонкие. Поэтому, кроме как «слоновой ноги», ничего не было видно.

— Хао Ин...

— Хао Ин...